

Юлия Арниева

ВОЛШЕБНАЯ ХИЖИНА
МИРЕЙ

Юлия Арниева

Волшебная хижина Мирей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69528427

SelfPub; 2023

Аннотация

Наверное, забавно очнуться во время ритуала в полотняном шатре, возле ослепляющего кристалла. Где на тебя выжидательно пялятся три пары глаз, требуя указующего перста на ту, что станет женой сурового синеглазого мужчины. Но ещё забавнее, когда этот перст вдруг укажет на тебя, и это очень не понравится грозному грубияну. Остаётся лишь только подхватить мерцающий жёлтым прозрачный камень, посох и подол дерюги и спастись бегством. И главное – постараться не слишком громко удивляться по дороге к своему спасению, почему у тебя нос отвалился, и бородавка с подбородка сползла. А уж кто виноват в этом кошмаре, позже разберёмся.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юлия Арниева

Волшебная хижина Мирей

Глава 1

Бувард – городишка маленький и захудалый, граничащий с запретным лесом.

Мирей Бекер и Хетти Вудс

– Опять пойдёшь? – буркнула Хетти, взяв со стола мешочек с дурман-травой, задумчиво повертев его в руках, положила в корзинку с остальными травами.

– Сегодня последний день ярмарки, – ответила подруге, проверяя, всё ли на месте в ведьмином мешке, – за один день я заработала больше, чем за две недели, продавая травы, порошки и отвары.

– Ведь Ильзе запрещала тебе брать свои вещи, – произнесла Хетти, заметив, что я укладываю хрустальный шар в свой мешок, – говорила, это может быть опасно.

– Я два дня с ним хожу, и ничего, – фыркнула, достав всё необходимое для ритуала, принялась переодеваться, – во мне нет и капли магии, как и у мамы... и дар ведьмы как у тётушки мне не достался, так что всё это бесполезные вещи в моих руках. Но девушки на выданье верят моим словам, – криво усмехнувшись, ехидным голосом добавила, – все же

мечтают о красивом женихе, который будет их любить да одаривать. Я говорю им только то, что они хотят услышать. Ну и тётка Ильзе всегда сказывала, что пророчества ведьмы могут измениться, так что я никого не обманываю.

– А если тебя узнают? – не отставала Хетти, опасливо отодвинувшись от стола, увидев выставленную мной банку с пауками, которых Ильзе насобираала больше для устрашения, чем для дела.

– Не узнают, – успокоила взволнованную подругу. Хетти всегда была немного труслива и первой бежала жаловаться на соседок, отчего местные девицы её невзлюбили, а я... у меня тётка – ведьма, пусть к Ильзе весь городок бегал за помощью, но всё же сторонились ведающую, ну и меня заодно. Поэтому нам с Хетти суждено было подружиться.

– Мир, может, не поедешь к отцу? Думаешь, признает тебя? Граф отказал твоей матери... – недовольно пробурчала Хетти, подав мне серый платок, поморщившись, спросила, – зачем ты наряжаешься в мерзкую старуху?

– Молодую ведьму не слушают и не верят ей, да и парни нороят пристать, никто не боится проклятий, – пробормотала, прикрепляя крючковатый нос, собственноручно сделанный из глины и бумаги, – а если ещё и лицо скривить пожалостливее, монет побольше дают.

– Я бы к тебе такой вообще никогда в шатёр не зашла, – невольно передёрнулась Хетти, наблюдая, как я размазываю по лицу красноватую массу, под которой ужасно чесалась ко-

жа, но благодаря ей я становилась похожа на старую морщинистую бабу.

– Мне надоело сидеть в этом городишке, зарабатывать на продаже трав несчастные пятьдесят шеляг в неделю, когда отец живёт в столице и разъезжает по балам. Он должен признать меня, тётушка говорила, что я очень похожа на своего отца, и она рада, что её сестра не увидела этого.

– А тёткин дом? Продашь?

– Кто его купит, – зло усмехнулась, цепляя на голову парик из серо-жёлтой пакли, окинув удовлетворённым взглядом своё отражение в зеркале, продолжила, – здесь же не одно поколение ведьм обитало, вот только на Ильзе род прервался. Ну всё, я пошла! Мне осталось заработать всего пару гилтов, и можно отправляться в Лэнгорд.

– Ох, Мир... боюсь я за тебя, – всхлипнула Хетти, вдруг крепко меня обняв, хотя знает, что нежности я не особо привечаю.

– Что будет-то, – хмыкнула, аккуратно высвобождаясь из рук подруги, чтобы не испортить маскарадный наряд, проговорила, – всё будет хорошо.

– Угу, – шмыгнула носом Хетти, первой покидая дом ведьмы, стоящий на окраине маленького городка, почти у самого запретного леса. На мгновение замерев, глядя вслед подруге, я грустно усмехнулась. Ей легко говорить, что лучше остаться в Буварде, её жизнь давно распланирована: осенью, когда листва упадёт с деревьев – свадьба, родители доб-

ротный дом справили, скоро детки пойдут. А я, недоведьма, останусь совершенно одна, и лишь настырный Отто продолжит докучать, но замуж не позовёт. Все же знают, ведьмы семьёй не обзаводятся.

Проводив подругу до улицы кожевенников, я быстро свернула в переулок мясницкий, прикрывая нос серым платком от нестерпимой вони, устремилась в сторону площади белого фонтана, которого отродясь там и не стояло. Улицы городка вот уж третий день были пустынно, народ веселился на ярмарке, празднуя Зелёный день, поэтому я благополучно, не встретив презрительных улыбок и не услышав обидных слов, почти добралась до своего шатра, размещённого в самом дальнем углу площади. За него мне пришлось отдать целый гилт градоначальнику Буварда, но звонкое бречание монет в небольшом поясном мешочке, висевшем у меня на талии, напоминало, что заработать всё же удалось гораздо больше, чем потратила.

Праздно шатающаяся публика на площади пока встречалась редко, лавки были ещё закрыты, и лишь только прибывшие из соседних посёлков и деревень торговцы да лоточники расставляли свой товар, хмуро поглядывая на своего соседа. Да ещё и фермеры загоняли крикливых гусей в наскоро построенные загородки и кормили жирных, едва переставляющих ноги, поросят.

Окинув беглым взглядом серую площадь, которую не украсили даже по случаю празднования, напомнила себе,

что скоро я покину это захудалый город на краю Эрантиса. Прошмыгнув вдоль торговых рядов, стараясь не смотреть на предложенный товар, чтобы не соблазниться на покупку никчёмной для меня сейчас безделушки, я, отодвинув тряпичную дверь, прошла в тёмное нутро шатра. Там привычно разложила ведьминские атрибуты, торжественно водрузила хрустальный шар в центре небольшого стола, укрытого тёмно-синим бархатным отрезом, принялась ждать первую мечтательницу, которой я непременно предскажу высокого красавца жениха.

Граф Джеймс Тортон, его младшая сестра Амелия и лучший друг лорд Рейли Вилсон

– Ты обещал!

– Это не значит, что мы будет заходить ко всяким шарлатанкам, – возразил я, попытался взглянуть на Амели так же сурово, как и наш отец, но эта мелочь давно научилась вить из меня верёвки и теперь смотрела на меня полными жалости глазами.

– Аннет и Лисси сказали, что она говорит правду, – привела аргумент сестричка, по её мнению, очень авторитетных особ в этом захудалом городишке. И если бы не Рейли, который сейчас явно забавляется надо мной, эта поездка с маменькой и младшей сестрой была бы для меня чудовищным кошмаром.

– Ами, ты учишься в лучшей гимназии столицы, неужели вам не рассказали, что ведьмы не прорицают женихов, – по-

пытался донести сестре очевидное, но та, надув губы, буркнула:

– Объясняли, но эта другая! Она правду говорит!

– Ладно, – всё же сдался, решив, что раз обещал сестре развлечение, послушаем сказки, размашистым шагом направился к штопанному шатру, едко заметив, – твоя знаменитая ведьма явно бедствует.

– В шатре ни слова, и ты, Рейли, я вас знаю, начнёте ехидничать, – предупредила Амели, сложив брови точь-в-точь как отец, окинула нас суровым взглядом.

– Хорошо, – разом проговорили я и Рейли, обречённо вздохнув, склонились в три погибели, прошли в повидавший жизнь шатёр. Тотчас невольно замедлили шаг, увидев страшную, сгорбленную старуху, которая, поведив своим огромным, на пол-лица, носом, пробасила:

– Садитесь, всё вам расскажу.

– Спасибо, – обрадованно воскликнула Амели, незаметно, но довольно болезненно толкнув локтем меня в бок, устремилась к жуткой старухе. У ведьминога стола сестрица изящно присела на колченогий табурет, будто усаживалась на вальтарское кресло, рядом разместились мы и, как и обещали, принялись молча слушать. И надо отметить, ведьма говорила складно, описывая моей заворожённой сестре её будущего красавца жениха. И всем он был хорош: богат, красив, статен и непременно будет любить Амели больше собственной жизни. Даже я заслушался, да и Рейли жадно вни-

мал старой ведьме. Но старуха ведьминские чары не применяла, это я на всякий случай проверил.

– А теперь ты! – вдруг воскликнула сестрица, ткнув в меня пальцем, – скажите, уважаемая, какая у него будет жена.

– Нет! Амели, мы так не договаривались, да и знаю, какая у меня будет жена, – остановил разошедшуюся девушку, – спасибо, сколько мы вам должны? Гилт? Вот пять и спасибо.

– Джеймс! Стефания скучная, противная и злая, – снова начала сестрица, с первой встречи невзлюбившая мою невесту, – и пока договор не подписан, давай спросим у ведьмы, может, тебе другая предначертана судьбой.

– Амели...

– Джеймс, ты же всё равно не веришь во всё это, давай просто послушаем, – ехидным голосом проговорила мелкая и, судя по решительному взгляду, не собиралась покидать этот шатёр.

– Хм... Джей, что тебе, давай послушаем, мне тоже интересно, – поддержал сестру Рейли, издевательски скалясь, – может, ведьма расскажет тебе о Стефании, и Амели прекратит на неё ворчать.

– Но после этого, даже если ведьма не назовёт Стефанию моей судьбой, ты больше ни одного дурного слова не скажешь о моей невесте.

– Ладно, – слишком быстро согласилась сестра, довольно улыбнувшись. Но как я не вглядывался в лицо хитрюги, не заметил подвоха. Пришлось вернуться на табурет, невольно

зажмурившись от жуткого скрипа, раздавшегося подо мной, произнёс, – что ж, ведьма, рассказывай, где там моя судьба...

Договорить я не успел, шар, что всё это время ни разу даже на мгновение не замерцал, вдруг ослепительно вспыхнул, посох в руках ведьмы задрожал, и деревянная с прозрачным камнем клюка ткнула её в грудь. Следом моё запястье опалило нестерпимым жаром, тут же раздался испуганный и болезненный девичий вскрик. Ведьма дёрнулась, торопливо оголяя свою руку, что-то невнятно буркнув, ошарашенно взирая на браслет.

– Джей... – просипел Рейли, первым приходя в себя, ошеломлённо пробормотал, – у тебя такой же браслет на руке.

– Что?! Ведьма! Что ты сделала! – взревел я, рывком вскочив с хлипкого табурета, попытался схватить мерзкую старуху, но моя рука поймала лишь воздух, – Рей, не дай ей уйти!

Глава 2

Неделя не задалась с самого начала. В понедельник необъяснимым образом перегорели все лампочки в моей квартире. А, открывая банку с паштетом, я порезала палец о железную крышку. Потом испачкала любимые брюки в чём-то жирном, пришлось возвращаться и спешно менять их на юбку. Затем не завёлся автомобиль и Юрка местный автомеханик и сосед по совместительству «порадовал» меня новостью, что ремонт моей красотки обойдётся мне в кругленькую сумму.

Во вторник при пересадке с трамвая на нужный мне автобус, я попала под проливной дождь, зонт, естественно, забыла дома и в офис пришла промокшая до нитки. Переодевшись в халат уборщицы бабы Оли, половину дня слушала подколы коллег, а к вечеру поняла, что заболела. Благо с начальницей мне повезло, Елена Петровна, заметила моё нерабочее состояние, отправила домой, предупредив, чтобы завтра я в офис не вздумала приходить. Доделав срочный отчёт, нацепила на себя ещё непросохшую одежду, я поспешила домой – лечится.

В среду, вернувшись с аптеки, я обнаружила, что наш единственный, старенький лифт сломался и мне придётся тащиться на девятый этаж пешком. Поднимаясь по лестнице с пакетом лекарств, я неудачно подвернула ногу и с трудом,

хромая, доковыляла в свою квартиру. Витиевато ругаясь, перекрывала воду в туалете, чтобы не затопить соседей снизу из-за сломавшегося смесителя в ванной. Напилась таблеток и горячего чая до икоты, завалилась спать, чтобы до утра видеть странные, а порой пугающие сны... То, я хожу по жуткому дому со свисающими с потолка пучками высушенных трав, навожу порядок на полках, перебирая банки с пауками, мышинными хвостами и чьими-то ушами. То я вдруг гуляю по какому-то средневековому городу или сидя возле прозрачного камня, рассказываю малахольной девице о её женихе. То я брожу по лесу, собирая листики, выкапываю корешки и сдираю кору с деревьев. В общем, сны жутко сказочные, от воспоминаний которых наутро пробирает дрожь...

– Лида! Лид! – разбудил меня взволнованный голос подруги и громкий стук в дверь, наверняка побеспокоив вредную соседку, которой только дай повод, в чём-нибудь меня обвинить и упрекнуть.

– Иду, – просипела, с трудом принимая вертикальное положение, накинула ещё влажный халат, прошлёпала в коридор, трясущимися руками еле провернула тугой после ремонта замок, едва успела отскочить с пути грозной фурии, влетевшей в мою скромную квартирку.

– Ты чего так долго не открывала? Совсем разболелась? Лекарства пила? Давай я тебе чайку с малиной налью, – пронеслась по квартире подружка, не останавливаясь ни на минутку, собрала с прикроватной тумбочки бумажные салфет-

ки, грязные кружки и присохший к столешнице остаток леденца, который обещал облегчить боль в горле, но не справился с заявленной рекламщиками задачей.

– Угу, – промычала, не обращая внимания на суетящуюся Настю, плашмя упала на диван, почувствовав под собой неприятное, мокрое и холодное, жалобно простонала.

– Сейчас-сейчас... я сменю постельное бельё, сорочку и лежи дальше. Говорила тебе, иди домой, нет же: «Отчёт доделаю и пойду». Теперь говорить не можешь, ходить я, как погляжу тоже. Температура есть? – ворчала подруга, на ходу вытаскивая из-под меня мокрое от пота одеяло.

– Угу, – смогла печально выдохнуть, пытаясь собраться в кучку, но, видимо, остатки своих сил я потратила на открытие двери. Снова рухнула как подкошенная головой на подушку, жалобно всхлипнув. Так плохо, мне ещё никогда не было. Всё началось с банального насморка, который подло провалился в горло и теперь мешал дышать, говорить и даже пить. Температура третий день поднималась выше тридцати девяти с половиной, и пора подключать антибиотики, а мне жутко этого не хотелось. Молоденький врач скорой помощи, которую я вчера всё же рискнула вызвать, писал под мою диктовку, выписывая с моих слов, мне рецепт. Тогда я ещё могла более или менее связно изъясняться. Сегодня ответив Насти замогильным голосом, напугала её до ужаса и окончательно потеряла голос.

– Елена Петровна меня до завтра отпустила, – таратори-

ла подруга, с лёгкостью меня ворочала, переодевая, – держи градусник... я сегодня с тобой останусь, а то вид твой что-то совсем не важный. Супчик сварю, курицу на рынке купила, чаем буду отпаивать.

– Спасибо, – всхлипнула, вытаскивая градусник, от писка которого звенело в ушах.

– Тридцать девять и семь, – обеспокоенно пробормотала Настя, вопросительно на меня взглянув, – давно жаропонижающее пила?

– Два часа назад..., наверное, – одними губами ответила, устало закрывая глаза.

– Скорую, что ли вызвать, а пока малиновое варенье сейчас с горячей водой разведу и водичкой тебя оботру, – пробормотала Настя, заботливо убрав мокрую прядку волос с моего лица, озадаченно добавила, – и маме позвоню...

Что ещё говорила подруга, я уже не услышала, снова погружаясь в свои странные, созданные больным сознанием, сновидения... Первая мысль, промелькнувшая в моём воспалённом мозгу, после того как я проморгалась от ослепительно-яркого света, была несколько изумлённой: «Эээ... сегодня глюки ярче и красочнее, хм... даже чем-то пахнет. О! И звук сегодня включили! Что этот красавчик сказал? Ай! Больно же!» – резко дёрнулась, почувствовав, как что-то сильно укололо меня в грудь, ринулась растереть болючее место, но сделала только хуже, ударив себя посохом. «Что за! Ай!» – вскрикнула от обжигающей боли, выставив руку,

потрясённо смотрела на довольно симпатичную татуировку, веточки которой сейчас ползли по моей руке, оплетая запястье. Но не успела прийти в себя от слишком реальных ощущений, тут же испуганно вздрогнула, невольно отпрянула, услышав взбешённый рёв красавчика. Мужчина с искажённым от ярости лицом, рывком поднялся на ноги, с грохотом опрокидывая табурет, кинулся на меня...

Не знаю, зачем я схватила мерцающий кристалл и посох, подобрав подол, рванула к выходу, спеша скорее оказать подальше от этого сумасшедшего. Но выскочив из шатра, под громогласный крик грубияна – «Рей, не дай ей уйти!», на мгновение оторопело замерла, увидев знакомые из сновидений улицы. И снова подорвалась, услышав грохот за спиной, не оглядываясь и не разбирая дороги ринулась в толпу. Крик, визг, странные ругательства подгоняли меня всё дальше и дальше. Петля словно испуганный заяц по узким улочкам, вздрагивая от грубых и злых окриков, я стремилась укрыться там, где не будет этого кошмара. Перемахнув через вонючую лужу, чуть не врезалась в тележку, я потрясённо смотрела на страшный, огромный нос, который успела поймать на лету, просипела:

– Что это?! Мамочки... – быстро коснулась рукой своего лица, с облегчением выдохнула, убедившись, что нос на месте, тут же испуганно вскрикнула, когда под пальцами на подбородке нащупала что-то ползшее и противное на ощупь, – Фу!

– Лови её! Держи! Ведьма! – снова раздалось улюлюканье за моей спиной, свист и яростный лай собак, только подстегнули мой спринтерский забег. Собрав остатки сил, я бросилась в узкую, тёмную подворотню, прошмыгнула в грязный переулок, пронеслась мимо каких-то развалюх, неожиданно для себя выскочила на поляну, оказавшись на открытом пространстве, растерянно остановилась. За спиной город и тот сумасшедший, впереди лес... выбор был невелик и снова подхватив в руку подол какой-то длинной хламиды, я устремилась к высоким деревьям.

Цепляясь подолом за колючие ветки кустов, запинаясь о корни, путаясь в густой траве, я пробиралась всё дальше вглубь леса... Не знаю, сколько я пробежала, прячась под сень густых крон, шатаясь от усталости и едва передвигая ногами, я, наконец, вышла к реке. Обессиленно рухнув на песчаный берег, набрала полную горсть ледяной воды, большими глотками утолила жажду, с тихим стоном откинулась на спину. И стоило только закрыть глаза, я тотчас уплыла в спасительную темноту, на краю сознания в голове мелькнула мысль, что это был самый ужасный сон из с тех, что я видела за эти три кошмарных дня.

Глава 3

– Это не сон, не сон, – как заведённая сбивчиво шептала и, наверное, уже больше часа двигалась вдоль реки, загребая босыми ногами песок, ракушки и мелкие камушки. Время от времени я замирала, старательно прислушиваясь к звукам. Но кроме шелеста листьев над головой, разноголосого пения птиц, журчания речушки и гула растревоженных мной шмелей и прочих насекомых, ничего не слышала. В очередной раз задавив в себе подступающую панику, отправлялась дальше, надеясь, что река всё же выведет меня к жилью и к людям.

Прошло уже, наверное, больше трёх часов с момента моего недоброго пробуждения. Очнувшись под непривычные для городского жителя лесные звуки, я, настороженно чуть приоткрыв глаза, с удивлением взирала на голубое без единого облачка небо, мелькающее в просветах между кронами густых и высоких деревьев. Меланхолично думая о небольшой вмятине на потолке в своей квартире, которую давно пора бы выправить, и о люстре, что требуется помыть... пока на мой лоб не прыгнула маленькая, скользкая, лупоглазая лягушка и не зарядила по глазу мокрой лапкой, напугав меня до смерти.

С криком и руганью вскочив на ноги, стряхивая с себя противный будильник, я ошарашенно огляделась. Раскиди-

стые кусты; высокая, сочная трава; прозрачная, как слеза, вода в реке и зелёная земноводная, с укором смотревшая на меня, вольготно разместившись на большом листе лопуха – всего этого не могло быть в моей квартире. Да и странную хламиду, что сейчас была на мне, я не покупала, и больших, неудобных ботинок со сбитыми носами тоже не было в моём гардеробе. Руки, которые сейчас мелко дрожали, с чёрной окаёмкой вокруг коротких ногтей, шрамик между большим и указательным пальцем на правой руке, странная татуировка на запястье... всё это не было моим.

Опасливо переступая через пучок колючей травы, я медленными шажками двинулась к реке, прокручивая в голове словно в ускоренной перемотке события прошлого дня. Не желая поверить, что сон, больше смахивающий на бред больного человека, мог вдруг стать реальностью, неосознанно замедляя свой шаг. Но даже со скоростью улитки, я всё же добралась до воды, невольно зажмурившись, страшась увидеть, что мне, может, не понравится. Несколько минут безмолвно простояла с закрытыми глазами, слушая журчание воды, прежде чем взглянуть на своё отражение. И, наконец набравшись смелости, открыла глаза, чтобы тут же с криком отшатнуться. Страшная красно-коричневая кожа на лице бугрилась и отваливалась жуткими лохмотьями, волосы свисали паклей, брови серо-жёлтые торчали в разные стороны, а губы были чёрные как ночь. Старуха – мерзкая, заживо гниющая смотрела на меня в отражении воды, скаля в немом крике

свои жуткие губы. Безудержно щипая себя за руку, морщась от боли, я как заведённая повторяла: «Это не я. Это не я. Это сон, это всё ещё сон», но легче мне не становилось.

Не знаю, сколько я так простояла у воды, раскачиваясь словно маятник, со страхом вглядываясь в воду, пока зелёная «подружка», не желая оставлять меня и на минутку, не приземлилась рядом, разбрызгав капельки воды из небольшой грязной лужи, своим резким прыжком сбрасывая с меня мрачное оцепенение.

Благодарно улыбнувшись зелёной, я, устало опустившись на траву, сняла с себя тяжёлые ботинки, стащила хламиду, под которой скрывалось белое платье с длинным рукавом из мягкой и приятной на ощупь ткани. С недоумением оглядела молодые, без выпуклых вен ноги с маленькими ступнями, с удивлением провела ладонями по упругой груди, узкой талии, которые никак не могли принадлежать старухе, ещё раз взглянула на своё отражение. Через секунду ринулась к воде... а через полчаса, мокрая по пояс, истерично скулила, рассматривая новую себя.

Симпатичная, молоденькая девушка с копной густых волос, которые скрывались под тугой повязкой и жутким париком. С пунцовыми щеками, от слишком усердного умывания. С пухлыми губками и красивой улыбкой... С облегчением помахав своему отражению, я снова натянула на себя хламиду, чтобы в случае чего накинуть на голову капюшон, подхватив ботинки, попрощалась с лягухой, двинулась вниз

по течению, раз за разом прокручивая свои воспоминания... и вот уже больше часа, вспахивая пальцами ног влажный песок, продвигалась по лесу.

– Всё же я заблудилась, – подытожила, остановившись возле небольшого валуна, преградившего мне путь, пройдя ещё по моим прикидкам около часа, – и есть хочется, хотя разгрузочный день вроде бы полезен для здоровья... ха, кажется, на большом кусте есть ягода.

Заметив под незнакомым мне деревом куст с тёмно-синей ягодой, под голодное завывание желудка я радостно рванула к нему. Но внимательно рассмотрев переливающийся на свету продолговатый шарик, решила не рисковать. Не больно-то эта ягода была похожа на жимолость.

– Может, грибы поискать? Сейчас лето или тёплая осень? – говорила сама с собой, лишь бы не думать об этом странном месте, о том, как я очутилась в чужом теле, опасаясь, что ещё немного, и я окончательно сойду с ума. Решительно направилась к берёзке, надеясь там найти знакомые, а главное, съедобные грибы, через пару минут тщательного осмотра небольшой полянки, ликующе прокричала, – есть один родненький! А вот и ещё один. Так... а ты что здесь спрятался, думал не найду... ну вот, обед найден, осталось разжечь костёр и поджарить беленькие, хм... какая малость.

Судя по солнышку, скрывающемуся за макушками огромных деревьев, время близилось к полудню. Не знаю, что ела

моя предшественница, но яростное урчание и боль в желудке подсказывали мне, что это было давно и немного. Поэтому я взялась за сбор хвороста и это оказалось самым простым занятием. Сложив небольшую кучку мха, белых пластинок берёзовой бересты и несколько сухих веточек, я принялась добывать огонь. Выполняя всё точно, как написано в учебнике по истории и показано в фильмах, которые когда-то братишка Насти увлечённо смотрел, ну и мы заодно просвещались, я усердно крутила палочку. Но и спустя час дурацкая ветка от моего усиленного трения не то что не загорелась, даже дымок под ней не затеплился, зато появились мозоли на ладонках.

– Съесть сырыми? – Задумчиво пробормотала, с сомнением оглядев коричневую шляпку, сердито буркнула, – потерплю, – ногой распинав бесполезную кучку, запихнула в карман балахона грибы, направилась к реке, хотя бы водой заглушить голодное рычание своего желудка. И выпив, наверное, горстей шесть, смыв с лица пот и паутину, которую успела насобирать, рыская по полянке, тяжело вздохнув, подхватила тяжёлые ботинки, двинулась дальше.

И только к вечеру, когда мрачные тени выползли из-за деревьев и кустов, захватывая всё больше территории, погружая лес в таинственные сумерки, а лучи заходящего солнца окрасили небо в багряный цвет, я добрела до маленького, покрытого зелёной ряской, лесного озерца, на берегу которого стоял небольшой домик.

– Да неужели, – неверующе просипела, едва передвигая ногами, устремилась к хижине, с опаской осматриваясь. Но чем ближе я подходила к домику, тем явственнее осознавала, что в нём давно никто не живёт. Крыльцо заросло травой и мхом, в окнах местами отсутствовали стёкла, часть стен были увиты плетью какого-то вьющегося растения. С трудом пробираясь сквозь высокую траву, внимательно следя за округой, я невольно ускорила шаг. Всё же меня страшила даже сама мысль остаться в одиночестве ночью в лесу под открытым небом, а здесь какая-никакая, но всё же защита.

– Эй! Есть кто? Хозяева?! – громко прокричала, замерев у покосившейся и гостеприимно распахнутой настежь двери, прежде несколько раз в неё постучавшись. Но и спустя пару минут ожидания ничего, кроме скрипа старого дерева и шороха палых листьев на полу, я не услышала, – похоже, никого нет, – проговорила, решительно переступив порог. На улице с каждой секундой становилось всё темнее, и надо было успеть осмотреть дом.

Глава 4

– Здесь и правда давненько никого не было, – пробормотала, чуть притормозив у порога, настороженно осматриваясь. Кухня, а судя по несчетному количеству запылённых бутылочек на полках, кастрюль, сковородок, горшков и тарелок – это была она, выглядела давно заброшенной. Пыль, что не один год собиралась по всем поверхностям этого дома, сейчас большей частью сконцентрировалась в углах, выглядела как что-то мягкое и живое, а паутина и сухие листья придавали ей особое очарование. На приземистом буфете с полочек свисала ажурная бахрома, по которой, перебирая всеми своими восемью лапками, бегал внушительного размера паук. Единственное окно в помещении оказалось целым, но стёкла были настолько грязными, что с улицы едва пробивался свет. Быстро заглянув в шкаф, в сундук, за стол, проверив наличие опасных или противных животинок, убедилась, что, кроме меня, других незваных гостей здесь нет, устремилась к неприметной дверке, которая оказалась запертой.

Не сразу, конечно, поддался мне железный засов. Он будто бы намертво прижавел к дужке, не желая пропускать меня внутрь. Но пара ударов камнем, кем-то и зачем-то оставленным на столе, и крючок со звоном выскочил из своего плена, а дверь с тихим скрежетом ржавых петель отворилась, приглашая меня войти. Настороженно заглянув в неболь-

шое, тёмное помещение, единственным источником света которого было крохотное окно под самым потолком, я с облегчением выдохнула, никто из тёмного угла на меня не выпрыгнул, скелетов тоже здесь не наблюдалось. Быстро заглянув в коробки, сундуки, ящики и бочки, убедилась в отсутствии мышей и прочей пакости, с чувством выполненного долга прикрыв за собой дверь, направилась к деревянной и не внушающей доверия лестнице.

– Хоть бы она подо мной не провалилась, – прошептала, с опаской наступая на первую ступеньку, невольно замерла, услышав душераздирающий стон старого дерева, поставила вторую ногу, радостно выдохнула, произнесла, – пол подо мной не разверзся, что ж... осталось преодолеть всего каких-то пятнадцать ступенек, – надавила всем своим весом на следующую.

Удивительно, но лестница оказалась довольно крепкой, так что под аккомпанемент разноголосых ступенек я благополучно поднялась на второй этаж, если, конечно, не принимать во внимание сердитого паука, в чью паутину я со слепу врезалась на финише. Смахнув с носа серого, с красивым узором на спине восьмилапого, мысленно порадовавшись, что страха перед ними у меня никогда не было, я наконец огляделась.

Пыльный, как и всё здесь, коридор, в конце которого находилось небольшое окно. Оно с трудом освещало мрачные, облезшие стены, пропуская через себя солнечные лучики

заходящего солнца. И две двери с облупившейся краской, некогда зелёного цвета, размещённые только лишь на одной стороне.

Торопливо пошаркав по не менее скрипучему полу, с лёгкостью отворив первую дверь, за которой оказалась комната, я изумлённо присвистнула. Пыль, паутина, мусор, неведомо как попавший в помещение, с учётом того, что двери и окно были заперты, это было для меня ожидаемым. А вот наличие добротной и большой кровати, со всеми спальными принадлежностями, пусть и пыльными, меня удивило. Да и крепкую мебель из тёмного полированного дерева, кресло с целой обивкой из некогда светло-коричневой ткани и домотканый полосатый коврик, собранный в кучу у изножья кровати, я почему-то не ожидала увидеть, невольно вспомнив, как быстро всё растаскивается из вот таких заброшенных домиков там... в моём мире.

Пройдя к невысокому, но широкому шкафу, с уже ставшим привычным скрипом распахнула дверцы, несколько минут потратила на разглядывание мужской и женской одежды. Сюртуки, рубахи с пышными рукавами, брюки, зауженные книзу. Платья длиною в пол, слегка приталенные, с узкими рукавами и глубоким вырезом на груди. Размер женской одежды оказался для меня великоват на пару размеров точно, но ткань была отличного качества и ещё довольно крепкой, по крайней мере, растянув её, низ рубахи в моих руках не расползся. Вернув на место серую от вездесущей пыли

рубаху в шкаф, я продолжила осмотр.

Дамский столик, на котором стоял крохотный пустой флакон с едва уловимым сладким ароматом. Рядом лежали щётка для волос, гребень и булавка с голубым камешком у основания. Над столиком висело зеркало с тёмными пятнами по краю, обрамленное деревянной оправой. В углу под упавшей ширмой стояла медная ванна, в которой можно было помыться только сидя, на полу возле неё валялся медный кувшин и брусок чего-то серого. А ещё меня порадовала рабочая масляная лампа и что-то похожее на спички, правда, но едва я чиркнула серной головкой о край коробки, тут же посыпались искры, а в комнате появился ужасный запах, который заглушил даже застоявшуюся вонь пыли давно непроветриваемого помещения. Но главную свою функцию она выполнила, лампа пару раз пыхнув, выпустила облачко чёрного дыма и осветила тёмную комнату, разгоняя жуткие тени из углов.

– Да будет свет! – наигранно бодрым голосом провозгласила, подхватив медную пузатую красотку, прошлась по комнате, – и здесь никого нет. Что ж, осталась ещё одна дверь, и можно приступать к уборке.

Вторая дверь тоже не сопротивлялась, толкнув её, я пару раз звонко чихнула от тотчас поднявшегося клуба пыли и, прикрывая рот ладошкой, прошла в комнату. Она была идентична первой, разница была лишь в том, что эта выглядела не обжитой. Здесь не было одежды, столик пустовал, дорож-

ки у кровати не лежало, да и на постели сиротливо сучала одна-единственная подушка.

– Так, и здесь никого, – пробормотала, заглянув под кровать, но кроме старой знакомой пыли и медного горшка ничего не обнаружила. Покидая полупустую комнату, я, напоследок окинув беглым взглядом небольшое помещение, ещё раз убедилась, что здесь мне ничего не потребуется, заперла дверь.

– Теперь мне нужны веник, много воды и тряпки, – задумчиво проговорила, заглянув в комнату, в которой я решила остановиться, прихватила с собой подушки, одеяло, чтобы выбить на улице из них пыль.

По лестнице спускалась уже смелее, быстро сбежав по ступенькам, выскочила на улицу. Там, шваркнув о стену несколько раз довольно увесистой подушкой и встряхнув одеяло, разложила их на пне и дереве, рванула назад, прихватив по дороге растрёпанную метёлку с кухни. В комнате распахнула окно и двери, забрала ещё две подушки и плед, снова выскочила на улицу, проделала те же манипуляции, что и с их предшественницами. После, выбрав самую, на мой взгляд, чистую ёмкость, направилась к озеру, время от времени поглядывая на всё быстрее прячущееся за горизонт солнышко, набрала воды, устремилась в дом.

Только спустя пару часов, когда на улице окончательно стемнело, комната была хоть немного прибрана, подушки и одеяло почти не пахли пылью, а букетик лесных цветов, по-

ставленный на столик, источал аромат свежести и лёгкой сладости, изгоняя из помещения затхлые запахи сырости, я отправилась на кухню.

– Сковорода есть, печь тоже, и даже пара полешков остались, – бормотала, заглядывая в чёрное нутро печи, убедилась, что бывший хозяин домика, ну или такой же незваный, как и я, гость её почистил, занялась розжигом, надеясь, что труба за время простоя не забилась, – так... давай, давай. Прошлогодня поездка в горы пригодилась, зря бурчала, что печь мне нигде не понадобится топить... Ну, кажется, разгорелась, теперь сковородку отмыть.

Болтая сама с собой, а иногда и с пауком, продолжавшим сидеть на буфете, я смела мусор в один угол, стёрла пыль со стола и табуретки. Выбрав самую маленькую сковородку, принялась её очищать заранее принесённым песком с озера. После, поставив чугунное орудие на печь, дабы прокалить сковороду и убить всех паразитов, я залезла в большой короб, где, по-моему, были несколько мешочков с чем-то сыпучим.

– О! Гречка! Это непонятно что, а здесь? Комок соли! – Обрадованно воскликнула, вытаскивая из короба свои богатства. Но при тщательном осмотре под тусклым светом лампы неизвестную мне крупу пришлось выбросить всю, а из гречки удалось выбрать всего лишь горстку крупы, и то были у меня сомнения, что и эта её малая часть безопасна для здоровья, но я решила всё же рискнуть. Занялась пригото-

лением позднего ужина под громкие рулады своего желудка, мысленно себя похвалив, что ещё до наступления темноты принесла воду из речки, пить зеленоватую и отдающую тиной воду из озера я опасалась.

– Кажется, всё, – проговорила, нетерпеливо помешивая гречневую кашу с грибами, шумного проглатывая слюну, подхватила сковороду с печи, устремилась к столу, но зацепив ногой дурацкий табурет, больно ударилась мизинцем, так что брызнули слёзы из глаз, рыкнула, – да что б тебя раскорячило! – сердито бухнула тяжёлую сковороду на стол.

– Хоть бы не сломала, – просипела, шмыгнув носом, зло стирая бежавшие по щекам слёзы, наклонилась посмотреть, что с ногой, оторопело уставилась на разъехавшиеся ножки табурета, – что за... – не успела договорить от вдруг прострелившей меня резкой боли в голове, виски сдавило, а перед глазами то появлялись, то исчезали картинки, от мельтешения которых к горлу тут же подступила тошнота... обессиленно рухнув на пол, я с силой сжала виски, пытаюсь остановить это невыносимое мелькание, но оно лишь усилилось, затылок прострелила очередная боль, и я уплыла в долгожданную, спасительную темноту.

Глава 5

Пробуждение было странным, впрочем, как и предыдущие... Над моей головой кто-то смачно чавкал! Осторожно приподнимаясь, тут же поморщилась от забежавших по моей руке противных мурашек, с тихим стоном и звонким хрустом в спине, приняла вертикальное положение, с недоумением огляделась.

За окном было светло, а значит, я провалялась на грязном полу кухни в лучшем случае ночь. Входная дверь всё ещё была заперта и для пущей надёжности подперта сундуком. Окна на втором и первом этажах я тоже закрыла и тот, кто сейчас, судя по звуку, съедал мою кашу, прятался в этом домике, а я каким-то образом его проглядела.

Медленно поворачиваясь к столу, мысленно подбадривая себя быть смелее, я через мгновение оторопело смотрела на маленького ушастого зверька, который жадно доедал остатки моей каши.

– Ты кто и как сюда попал? – спросила, с облегчением выдохнув, малыш не был похож на страшного зверя и опасений не вызывал. Опершись о раскоряченный табурет, кряхтя и постанывая от боли в затёкшем теле, стала подниматься с пола.

– Твой фамильяр, – произнесла животинка, с сожалением взглянув на пустую сковороду, продолжила, – было вкусно,

спасибо, что приготовила для меня кашу.

– Кхм...– изумленно поперхнувшись, потрясённо уставилась на ушастого, от которого я точно не ожидала услышать ответ, сильным голосом проговорила, – пожалуйста... кто ты?

– Твой фамильяр, – повторила малявка, забавно закатив глаза к потолку, едва слышно пробормотала, – досталась же мне такая глупая.

– Ага, фамильяр, – кивнула, пребывая в той стадии отупения, когда, кажется, уже ничего не удивляет, проговорила, – а я, значит, ведьма.

– Нет, – возразила животинка, печально вздохнув, – позор для фамильяра, но ничего не поделаешь, придётся работать с такой, как ты.

– Так! Ещё раз заговоришь со мной в таком пренебрежительном тоне, и я вышвырну тебя из дома, и вообще, как ты сюда заявился? Окно на втором этаже открыл? Или дыра в доме есть?

– Я девочка! – возмутилась ушастая мелочь, ловко спрыгнув со стола, – я магическое существо, и меня не остановят никакие запоры!

– Ясно, – буркнула, потеряв свой живот, пытаюсь унять сердитое и голодное рычание, прошла к печи, радостно улыбнулась, заметив несколько алых угольков, подбросила пару сухих веточек, проверила, осталась ли вода в кастрюле, и устремилась к двери, на ходу проговорив, – раз я не ведь-

ма, то фамильяр мне не положен по статусу, вроде бы так должно быть?

– Угу, – кивнула животинка, грустно вздохнув, опустила свои большие уши.

– Тогда можешь отправляться назад, туда откуда пришла, – проговорила, с трудом оттащив сундук от двери, невольно удивляясь, откуда у меня вчера было столько сил, чтобы его приволочь через всю кухню. Наконец вышла на улицу, ненадолго замерла, любуясь открывшимся видом.

Высокие, могучие деревья держали на своих макушках голубое небо, по которому плыли белоснежные и пушистые словно вата облака. Ракитник с жёлтыми бутончиками цветов живой изгородью заботливо поддерживал маленькую рябинку. Среди густой травы высились макушки кипрея, сныть уже распустилась большими зонтиками. Белый красавец нивяник выглядывал из-за колючего осота, тот же, не уступая собрату, тянул свои жёлтые головки к солнышку...

– Нельзя ведьму оставлять без фамильяра, – назидательным тоном проговорила ушастая, прерывая моё благостное состояние.

– Ты определилась бы уже, ведьма я или нет, – хмыкнула, быстро спустилась по скрипучим ступенькам, решив собрать немного кипрея, смородинового листа, куст которого я заметила у раскидистой черёмухи, чтобы хотя бы горячим отваром утолить нестерпимый голод. Но не пройдя и двух шагов, ошарашено остановилась, осознав, что мне вдруг ста-

ли известны все травы, что сейчас попались на глаза. Я отлично знала их свойства, время сбора и применение, а также легко могла собрать любую смесь или приготовить лекарственную настойку. Лихорадочно перебирая названия каждого растения, что сейчас колыхались на ветру, ошеломлённо бегая взглядом от одного растения к другому... Жалобно застонала, от вдруг прострелившей резкой боли в моих висках. И снова мелькание картинок, дикая разрывающая боль в голове, ноги задрожали, и я обессиленно рухнула на траву, отключаясь.

– Вставай, – ворчливо рыкнул мне кто-то в ухо, мою щеку оцарапало чем-то шершавым, а по плечу легонько, но ощутимо ударили, – поднимайся.

– Это опять ты, – просипела, с трудом открыв глаза, невидяще уставилась на лист лопуха, на котором лежала тушка какой-то маленькой птицы.

– Тебе надо поесть, – произнесла ушастая, осторожно куснув меня за руку, – слабая, принять силу не можешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.